

пестковъ. Надъ головой твоей, сіяя въ лучахъ солнца, празднуетъ онъ свою побѣду...

Подулъ вѣтерокъ и отклонилъ стебель цвѣтка отъ оврага.

Не разслышалъ цвѣтокъ отвѣта страшнаго призрака и трепетно приникъ головкой къ землѣ.

Вотъ тайна связи между нимъ и призракомъ. Но гдѣ же тѣ, кто взяли его символомъ борьбы своей со зломъ? Отчего не идутъ сорвать его и унести отъ бездны, таящей въ безпросвѣтномъ мракѣ ихъ гибель? О, если бы уйти къ этимъ страждущимъ!..—молилъ цвѣтокъ, качаясь на тонкомъ стеблѣ, то выпрямляясь, то припадая къ землѣ.

Изъ слободки къ оврагу веселой гурьбой прибѣжали дѣти и разсыпались, какъ пестрая стая птицъ. Кто копался въ сваленномъ мусорѣ, кто игралъ, кто валялся, грѣясь на солнцѣ.

— Шурка, глянька-ся! Цвѣтъ-то, совсѣмъ, какъ у мамки зли Божнички!..—сказала маленькая дѣвочка съ обрывкомъ кумача въ загнутомъ къ верху кончикѣ тонкой косички.

— А у насъ такой-то надъ окошкомъ приколатъ! Посля Пасхи ихъ много ходили продавали!..—присѣвъ на корточки передъ цвѣткомъ сказалъ босой бѣлоголовый Шурка въ розовой распоясанной рубахѣ.

— Ходили! Много ты понимаешь!..—Сказалъ востроносый, черноглазый мальчикъ въ картузѣ.—Они продавали дѣланые, а не тѣ-то! Понадѣлали изъ ситцу, да и продаютъ для чахотныхъ. Что ни больше продадутъ, то больше чахотныхъ повылѣчатъ!..

— Ну, что-жъ, ну что-жъ!..—затороторила дѣвочка,—хучь не всамдѣлишные, а такіе, какъ двѣ капли воды... Однава дыхнуть, такіе!.. Съ нихъ и дѣлали, какъ по узору вотъ вышиваютъ...

— Много ты понимаешь!..

— А ты понимаешь?.. У меня сестра въ шляпномъ магазинѣ!..

— Стой, Манькѣ, стой!.. Давай сбѣгаю, скажу: мамъ, дай цвѣтъ!

— Дастъ тебѣ мамка замѣстъ того леща!..—мрачно сказалъ мальчикъ въ картузѣ, начиная сдаваться и боясь невыгодности сравненія „дѣланнаго съ настоящимъ“. Но Шурка уже сообразилъ, какъ узнать, кто правъ, и миновать материнскаго „леща“. Онъ сорвалъ цвѣтокъ и пустился къ слободкѣ, только волосы трепались по вѣтру, да парусомъ надувалась розовая рубашка.